

18+

Оляна Гурич

**МАЛЕНЬКАЯ
ПОВЕСТЬ О ПЕРВОЙ
ЛЮБВИ**

Оляна Гурич

**Маленькая повесть
о первой любви**

«Издательские решения»

Гурич О.

Маленькая повесть о первой любви / О. Гурич — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-601370-4

«Маленькая повесть...» — это глубоко личная история о потерях, которые невозможно пережить без боли и слёз. Берегите своих близких! Будьте для них опорой! Дарите им надежду и исполняйте мечты!

ISBN 978-5-00-601370-4

© Гурич О.
© Издательские решения

Маленькая повесть о первой любви

Оляна Гурич

Ясна Малицкая *Детский писатель, педагог и редактор этой книги*

© Оляна Гурич, 2023

ISBN 978-5-0060-1370-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Маленькая повесть о первой любви.

На то она и первая любовь,
чтоб быть ей не особенно удачной.

История эта началась, когда к нам из параллельного класса перевели мальчика. Наша учительница рассказала, что одноклассники его травят за то, что он не похож на них, а родители даже хотели отправить своё нестандартное чадо в другую школу, но... на педсовете было решено перевести его в наш дружелюбный коллектив в порядке эксперимента. Она предупредила нас, что это умный, очень начитанный, но «довольно скептически настроенный молодой человек. Он часто спорит с преподавателями, пытаясь обнаружить их недоинформированность по предмету, и позволяет себе иронизировать по этому поводу». Она призвала нас быть с ним тактичными, но не позволять наглых выходов по отношению к учителям, вовремя останавливать его, а если нам будет трудно – обращаться к ней. Нам было очень интересно – кто же это такой лихой парень? И вот он пришёл... толстенький, небольшого роста еврейский мальчик с огромными зелёными глазами и жёсткими рыжеватыми кудрями, его звали Миша Перельман. Формы у него никогда не было – видимо, большой размер был дефицитом – и он ходил в школу просто в брюках и светлой рубашке, а когда было прохладно, надевал тёмный джемпер. Как многие мальчишки нашего времени, он не обращал внимания на пятна на одежде и грязные манжеты или воротник. Впрочем, к его довольно неопрятному внешнему виду мы быстро привыкли – наше внимание было приковано к его смелым, иногда даже наглым, но часто вполне разумным высказываниям на уроках. Уважения к учителям он не проявлял никакого. Это меня раздражало – я была воспитана иначе. Я тоже много читала, но принимала окружающих с заведомой симпатией и вежливостью, тем не менее, он мне понравился, оказалось, эрудиты – моя эrogenная зона. У нас складывались добрые приятельские отношения.

Наступило лето. Оно было наполнено разноцветными событиями, особенно в трудовом лагере в Ставрополе. Были такие лагеря в нашем советском детстве. Они организовывались на базе школы: учителя ехали с нами в качестве вожатых, а ученики должны были выполнять различные сельскохозяйственные работы в совхозе. Совхоз обеспечивал нас жильём, питанием и даже небольшими зарплатами, но дорогу оплачивали родители. Для нас это был шанс проверить себя в работе и пообщаться с друзьями вне школы, а также единственная возможность законно заработать какие-нибудь деньги. Трудовой лагерь – супер интересное приключение для московских школьников: спали на матах в спортзале школы, забыв свои мягкие детские кровати, утро на грядках – прополка, окучивание, сбор урожая, после обеда – купание в местном пруду. В лагерь из нашей компании поехали мы с Ленкой – она была моей близкой подругой – и ещё несколько ребят, но Миши в их числе не было.

Я писала маме: «Дорогая мамочка! У меня всё хорошо. ... Я мечтаю о твоих пирожках с зелёным луком и бульоне из курочки – супчик здесь не очень, но в целом кормят прилично.... Мы вчера весь день собирали черешню, и всю ночь мне снились бордовые ягоды на фоне зелё-

ных листочков...» На работу и с работы нас возили на грузовиках – незабываемое впечатление. Мы ехали в косынках, потому что если нет, то волосы полоскались на ветру, набирая столько дорожной пыли, что к концу поездки стояли дыбом. В этом случае их нужно было бы мыть каждый день, а горячей воды не было. Подпрыгивая от отчаянной тряски в кузове, девчонки самозабвенно орали всякие современные шлягеры, типа «Как прекрасен этот мир», «Последняя электричка», «Этот зимний сад», «Первая любовь», «В белом платье с пояском...», «Колокола», «Ты у меня одна» и т.п., укрепляя свою решимость «отбарабанить» ещё один трудовой день. «На плантациях» нужно было постоянно проявлять силу воли, так как после первого же часа работы хотелось пить, есть, уйти тайком в тенёк и прилечь там, но было нельзя! Позор! Мы же – комсомольцы! Вечерами мы впервые испытывали чувство настоящей усталости, когда не хочется ни танцев, ни прогулок – скорее СПАТЬ!!!

И вдруг нашу и так пёструю от острых ощущений жизнь потрясло ещё одно событие – Мишка Перельман самостоятельно, один приехал навестить нас! Как ему это удалось? Может, помогло то, что благодаря полноте он всегда выглядел гораздо старше своих лет? А про паспорт соврал, что забыл дома – в 70-е не всегда требовали паспорт в поездах. Мальчишки, с которыми он уже успел подружиться, устроили его ночевать на матах; на работу он съездил только один раз, а потом ещё два дня слонялся по лагерю в рабочее время. Далее был выходной, это был последний день его пребывания в лагере. В этот день он долго ждал меня у входа в нашу «спальню», и когда я вышла, мне стало не по себе: я испытала в полный рост чувства, которые описываются выражением «пожирать глазами». Я кивнула в смысле: «Привет!» и хотела пройти мимо, но он остановил меня, взяв за руку. Из-за спины показался небольшой букетик полевых цветов. Сердце моё забилося чаще: «Это мне? Неужели?..» Он вручил его мне, краснея, и не мог ничего больше произнести. Я не узнавала наглого, самоуверенного скептика, которого привыкла видеть на уроках. Я улыбнулась, и поднесла цветы к носу.

- Спасибо, – я продолжала улыбаться: это ведь так приятно – получать цветы!
- Я сегодня уезжаю.
- Да? Когда?
- Через час. Может, прогуляемся?
- Ну, давай.

Мы шли на пионерском расстоянии друг от друга и молчали. Он был взволнован и явно хотел что-то сказать, но не получалось. Наконец, он решился: вложил мне в руку записку и почти бегом помчался прочь. Мне не понравился такой исход нашей прогулки, грустя, я развернула листочек бумаги и прочитала там чудесное стихотворение.

Меня бросило в краску, сердце моё затрепетало, и я сразу поняла, что именно для этого он и приезжал в лагерь – тосковал и не сумел с собой справиться. «Вот это любовь!» – подумала я с волнением. Я ещё долго не могла прийти в себя. Раз за разом перечитывая стихи и наполняясь тревогой, я шагала по уютному дворику и думала: «Как бы ему сказать, что не испытываю к нему таких же чувств? Обидится? Или сильно расстроится? Хорошо, что он уехал – будет время подумать...»

Какое решение я должна была принять? В этом для меня не было сомнений: скажу правду! Я же самая честная девочка на свете и не умею врать. Просто скажу это спокойно, даже мягко и дружелюбно.

Когда мы вернулись из лагеря, мальчишки заскочили за мной, чтобы позвать гулять, пока каникулы не кончились – это было обычным делом в нашей компании. Оказалось, что Миша теперь тоже её часть. С ребятами я училась с первого класса, и они были самыми близкими моими друзьями наравне с девчонками, а Миша жил в одном дворе с двоими из них и был их «корешем» – в один детский сад ходили. Совпадение! Вот так наша команда увеличилась на одного человека.

В конце прогулки ребята распределили между собой нас, девчонок, чтобы проводить до подъезда. Он пошёл провожать меня, хотя обычно это делали Игорь и Андрей, жившие по соседству. Сегодня они тихо исчезли. Всё понятно: договорились заранее. «Ну, что ж, значит, этот трудный разговор состоится сегодня!» – подумала я.

В неловком молчании мы подошли к подъезду, я повернулась к нему лицом, чтобы поговорить, но он внезапно сделал шаг вперёд, резко обнял меня и стал целовать так страстно и глубоко, что мне показалось, что все мои внутренности сейчас покинут свой организм через рот. Сердце остановилось, дыхание замерло, только щемящая горячая волна заполнила собой всё тело. Это было так здорово!

Конечно, после такого, я не смогла произнести ни слова, и все мои намерения поговорить и быть честной провалились в тар-тарары.

Прочитав на моём лице смятение, он спросил:

– Тебе не понравилось?

Как тут скажешь правду? Я и себе-то с трудом отдавала отчёт в том, что происходит – молча повернулась и ушла. Поцелуй был классный и не мог не понравиться, но что-то было не так. Я долго простояла в подъезде у окна между своим и нижним этажом, пытаюсь собраться с мыслями и определить, что во всём этом неправильного и поняла: я хотела бы всю жизнь так целоваться, но не с ним...

Лето кончилось, все мы снова встретились в школе. Я была страшно рада друзьям, соскучилась по этому безумному школьному ритму, где шумные перемены мгновенно сменяются звенящей тишиной уроков, и даже по домашним заданиям, за которыми можно глубоко задуматься и дочитать то, что не дослушал на уроке. Мы с подругами щебетали без умолку все перемены напролёт, мальчишки тоже не стояли молча, словом, всё как обычно, но кое-что случилось: из-за ухода нашей любимой учительницы литературы наш класс передали другому учителю. Это был полный провал: к нам пришла немолодая женщина с начёсом высотой с десяток сантиметров, золотыми зубными коронками и невнятной речью. Это было ужасно вдвойне, потому что литература была нашей страстью, самым любимым предметом и самым сокровенным занятием. Втайне мы все писали... Кто стихи, кто прозу, а кто песни...

На уроке я как всегда сидела в компании своих подруг. Понятно, что после перемены мы не сразу примолкли, а продолжали хихикать и перешёптываться. Антонина Михайловна – так звали нашу новую «русичку» – чутко уловила, кто из нас самый болтливый, и пересадила меня на первую парту справа (подальше от себя). Первые парты были пока пусты – ребята избегали садиться близко к учительскому столу, – вот мне и пришлось приземлиться за одну из них. Прошло уже минут семь от начала урока, когда в дверь интеллигентно постучали и на пороге появились опоздавшие. Это была часть нашей компании с Михаилом во главе:

– Здравствуйте, можно войти? – ребята выдвинули его вперёд, видимо, как самого начитанного.

– А что произошло? – удивилась Антонина (мы всегда её за глаза так называли).

– В смысле? – в свою очередь удивился Миша.

– В прямом! – ответила учительница.

– Ничего особенного! – нагло продолжал Мишель.

– То есть вы всегда будете на десять минут опаздывать?

– И ничего подобного! Мы опоздали только на восемь, а две минуты вы уже с нами препираетесь! – меня даже передёрнуло от такой вопиющей дерзости.

– Я?

– Да, а кто? Мы бы уже давно прошли и сели.

– Да, как ты разговариваешь? Ты в своём уме?

– Да я-то в своём...

– Это на что ты, сопляк, намекаешь? – спросила она гневно и напрасно это сделала именно так – Михаил никому не позволял себя обзывать, даже директору. Класс неодобрительно загудел.

– Я вас не оскорблял и ни на что не намекал! А вот вы должны бы извиниться!

– Я?! – она покраснела и закашлялась от возмущения. Мне показалось, что необходимо вмешаться, иначе разразится невиданный скандал. Вечно мне больше всех надо!

– Антонина Михайловна! Извините их и разрешите им войти! Они просто в туалете застряли и звонка не слышали! – выступила я. Класс грохнул вместе с Антониной, а ребята, тайком грозя мне кулаком, быстро просочились на свободные места.

Только Мишка стоял столбом со злобным выражением лица, на котором читалось явное желание продолжить перепалку. И тут Антонина, которая, конечно, была наслышана про такого из ряда вон выходящего ученика, сделала то, за что он был ей благодарен до конца своих дней:

– А вам, досточтимый сэръ, я предлагаю исключительное место – на первой парте! – и она указала ему на место рядом со мной.

Радость блеснула в его глазах, а моё сердце ухнуло куда-то вниз – в пятки, наверно. Антонина, вероятно, думала, что изрядно наказала его, но по факту получилось наоборот. С этого момента на уроках литературы и русского он вёл себя безукоризненно: никогда не спорил, с готовностью отвечал на вопросы и даже иногда учил стихотворения наизусть, лишь бы она не пересаживала его.

Шли дни. Первое время мы вообще не разговаривали, только учились. Оценки по литературе были отличные: я всегда много читала и прилежно выполняла домашние задания, а Мишка не мог ударить в грязь лицом – это ведь был и его любимый предмет. Антонина успокоилась на наш счёт, и редко спрашивала – только на самые трудные вопросы.

Мы потихоньку начали дружить. Он читал гораздо больше меня, потому что тратил на это невероятное количество времени. Он не занимался спортом, не играл на музыкальных инструментах, не делал никаких домашних заданий – он считал их лишними в школьной жизни – всё своё свободное время он посвящал чтению. Читал всё подряд: программные произведения, иностранную литературу, публицистические статьи и даже газеты, и поэтому был очень интересным собеседником. Оказалось, что книги он брал в основном из домашней библиотеки. Книги – вот, что могло привлечь меня со страшной силой, и он быстро понял это. Именно по книгам из библиотеки его семьи вся наша команда познакомилась с творчеством И. Ильфа и Е. Петрова, М. Булгакова, поэтов серебряного века, Евг. Евтушенко, Р. Рождественского и А. Вознесенского. Он любил и прекрасно читал наизусть В. Маяковского.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.